

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

УДК 37(476)(09)

В. С. Болбас

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ БЕЛАРУСИ
О РОЛИ УЧИТЕЛЯ В НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ**

В статье раскрыты взгляды представителей педагогической мысли Беларуси X–XVII вв. на роль учителя в нравственном совершенствовании воспитанников. Показан приоритет воспитательной функции педагога, охарактеризованы основные требования к профессии учителя, которые разрабатывались в отечественной педагогике.

Введение

Сегодня аксиоматичным является утверждение, что истинный показатель цивилизации – это не степень развития научно-технического прогресса, а уровень воспитанности человека. Причем воспитанность измеряется не только и не столько образованностью, сколько нравственно-духовным потенциалом личности. Вот почему при формировании личности значимость роли учителя определяется, прежде всего, достижением именно воспитательных результатов. Исследования показывают, что такой подход особенно ярко проявился в генезисе и развитии педагогики восточных славян.

Такие ученые, как Л. С. Геллерштейн, П. Ф. Каптерев, А. И. Клибанов, В. О. Ключевский, О. Е. Кошелева, Н. А. Лавровский, Д. С. Лихачев, В. Я. Струминский, со всей убедительностью подтверждают воспитательную направленность школы и просвещения на восточнославянских землях. Вместе с тем в настоящее время недостаточно изучены соответствующие подходы, существовавшие в Беларуси периода средневековья. А ведь как раз наши предки предлагали считать настоящим образованием лишь то, которое ведет к духовно-нравственному усовершенствованию обучающихся. В исследованиях Н. И. Демы, Е. Н. Медынского, Б. Н. Митюрова, А. А. Савич, К. В. Харламповича дается общий анализ состояния образования и развития педагогических идей на белорусских землях, подчеркивается роль учителя в организации обучения. Но в этих и других работах практически не уделяется внимания воспитательной роли учителя.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема учителя является центральной в педагогической мысли Беларуси на протяжении многих исторических эпох. Это вызвано определенными социально-политическими и культурно-историческими изменениями, характерными для каждого периода развития нашей страны. Так, уже в X в. с приходом христианства спектр моральных норм и предписаний значительно расширяется и углубляется. Разрозненные, бессистемные воспитательные советы все меньше и меньше удовлетворяют нравственные потребности общества. С повышением роли специально организованного нравственно-воспитательного процесса возросла роль и его организаторов. Представители христианской этико-педагогической мысли считали учителя-проповедника обязательной и главной фигурой в морально-духовном совершенствовании общества. Ярko и убедительно показано это в «Житиях» Евфросинии Полоцкой и Кириллы Туровского. Агиографы показывают отечественных просветителей, прежде всего, в качестве целителей человеческих душ.

Христианское учение вообще формировалось и распространялось непосредственно с опорой на авторитет Иисуса Христа, который, в первую очередь, выступал как учитель-спаситель. Закономерно, что в качестве воспитателей рассматривались духовные личности. Считалось, что именно им можно доверить дело морально-духовного совершенствования общества. Как предполагал Кирилл Туровский, только человек, который достиг духовных вершин, сможет донести до других людей смысл и пути морального очищения: *«Да ашце будеші послушлів і умяк чеші зямлю сэрдечную малое семя, і расплодзілі в себе много спасенаго жита... инеем будеші раздавая требуіцым того же: первое притчаіш разрешеніе книжны»* [1, 39].

Постепенно в отечественной общественно-педагогической мысли формируется убеждение о возможности секуляризации духовно-нравственного воспитания. Уже Климент Смолятич в объяснении положений Священного Писания апеллирует к античным философам. В. Мономах собственным примером убеждал, что воспитателями могут быть авторитетные личности из

светских кругов общества. Постепенно утверждается мысль, что даже простой человек способен стать хорошим учителем при условии, что *«он в книгах сведущ и душой праведен»* [2, 139].

Аргументированно и убедительно раскрывается роль воспитателя в нравственном совершенствовании воспитанников в «Житии Авраамия Смоленского», где ученик показывает читателям своего учителя как настоящего педагога, который мог душу и ум многих людей ориентировать в добродетельном направлении. Как утверждает автор, Авраамий *«мог так толковать книги, что многие неосведомленные люди слушали и понимали, что он говорил... обращаясь ко всем, к малым и взрослым, к рабам и свободным, и к ремесленникам»* [3, 77].

Кирилл Туровский понимал важность содействия со стороны образованных людей тем, кто еще не достиг соответствующего уровня развития мудрости и духовного совершенства. Более того, он был убежден в том, что каждый, кто добился определенных вершин на пути духовно-нравственного совершенства, просто обязан делиться своими достижениями с другими, обязан способствовать их умственному и духовному развитию. *«Так обретый божественных книг скровище... не себе единому есть спасение, но инеем многим послушающим его»* [4, 180], – поучал педагог.

Представители этико-педагогической мысли Беларуси средневековья приходили к пониманию, что настоящему воспитателю недостаточно владеть внушительным объемом этических знаний. Чтобы добиться результативности воспитательных усилий, он должен сам в реальной жизни быть примером высоконравственного поведения. В широко распространенном на восточнославянских землях произведении *«Хождение Богородицы по мукам»* был показан такой учитель, который *«и святые книги, и Евангелие прочитал, а сам не следовал им. Учил людей, а сам не волю Божью творил, а жил в блуде и беззаконии»* [5, 286–287].

Учитель-воспитатель рассматривался, прежде всего, как человек, который направлял других на праведный жизненный путь. Кирилл Туровский специально написал «Слово о том еже не забывать учителей своих», в котором советовал не забывать своего учителя, быть благодарным ему, держать *«его в своем сердце и в души и уме в незабывную память до исхода души своея, имя его со своим именем в молитвах и в всяком святом понимании, не токмо в дневных, но и ночных молбах»* [5, 450].

Все без исключения известные мыслители Беларуси эпохи Ренессанса ведущую роль в организации нравственного воспитания отводили учителю-воспитателю. Чтобы подчеркнуть важность собственной просветительско-воспитательной миссии в деле интеллектуально-нравственного развития общества, Франциск Скорина с гордостью называл себя учителем. Как и библейский Лука, он, *«будучи лекарем телесным досконалым, видяи вси речи телесные, иже суть суетны и минуци, возжелел быти лекарем душ наших»* [6, 103]. Восточнославянский первопечатник, сосредоточивая внимание на чрезвычайной сложности дела воспитания, категорически заключал: *«Немногим учителям бывати»* [6, 105].

Николай Гусовский акцентировал внимание не на победах князя Витовта в битвах с врагами, а показывал их истоки – процесс учебно-воинской и воспитательной деятельности правителя.

Симон Будный одной из причин духовно-нравственной нищеты общества считал отсутствие настоящих воспитателей. Учителей с невысоким интеллектуально-нравственным уровнем мыслитель сравнивал со слепцами, которые ведут людей, сами не зная куда. О таких «духовных пастырях» он писал: *«... Тыц, пак, не только не научают, Але и сами мало правды знают... Все бо ведаем, яковых теперь учителей маем»* [7, 6]. С. Будный соглашался с библейским утверждением о том, что учитель – это *«соль земли»*, так как должен спасать людей от *«духовной гнили»* [7, 6]. Как и другие мыслители, он утверждал, что воспитатель – пример поведения для своих воспитанников. Нелепо выглядел, по его мнению, Кальвин, который *«сам не был лишен того, что обличал у других»* [7, 69].

В нравственном воспитании детей Беньш Будный отдавал приоритет учителю-воспитателю по сравнению с родителями. Он соглашался с античными философами, что те родители, которые дают ребенку только жизнь, делают значительно меньше, чем воспитатели, которые помогают наполнить ее соответствующим содержанием, достойными делами и добродетелью. Белорусский просветитель считал, что учитель даже может быть привлечен к ответственности за плохие поступки ученика [8, 61]. Он был убежден, что настоящий воспитатель должен вести себя с воспитанниками, как отец с детьми: быть и строгим, и милостивым. Мыслитель определяет основные черты руководителя, а значит, и педагога, воспитателя: способность руководить собой, самодисциплинированность, доброжелательность, умение выслушать мысли и советы других, однако иметь собственное мнение, сохранять некоторую дистанцию с подчиненными. *«Мир тогда может счастливым называться, когда люди руководителей умных выбирать будут»*, – считал Беньш Будный [8, 10].

Отдавая должное собственным усилиям индивида в стремлении к духовным вершинам, братья Лаврентий и Стефан Зизании подчеркивали исключительно важную роль воспитателей в формировании благопристойной личности. Л. Зизаний поучал, что дети несколько не меньше,

чем своих родителей, должны уважать учителей, так как они – те же родители, только не по плоти, а по духу. С. Зизаний особенно настаивал, чтобы «духовные учителя» сами были примером для воспитанников. В своей книге «Казанье светого Кирилла» он решительно осуждает действия проповедников, которые больше заботятся о собственном благе, чем о воспитании людей.

По мнению Симеона Полоцкого, учитель-воспитатель в нравственно-воспитательном процессе должен быть ключевой фигурой. Только от его собственного нравственно-образовательного уровня, воспитательных усилий зависит успех дела. В одной из рукописей мыслителя записаны следующие строки об учителе: *«Приемли ползу от словес, отрекай же соблазн творимую делы, терзай благовонные цветы, не прикасайся будущему терпению. Собирай яко пчела мед сладкий, призерай еже неполезно, отемли пшелицу чистую, оставляя плевелы и куколы. Горе же таковым учителям, иже оно учат ино творя, уподобища бос я оным книжком и фарисом, лицемером»* [9, 228]. Просветитель верил во всемогущество воспитания, поэтому предупреждал воспитателей, что, как садовник виновен в кривизне дерева, как в безобразии картины виноват художник, так и они несут непосредственную ответственность за «злонравие» детей.

В учителе Симеон видел разносторонне развитую личность и особенно подчеркивал, что основные недостатки в организации нравственного воспитания заключаются в том, что многие воспитатели не владеют такими добродетелями, которые пробуют сформировать у своих воспитанников. В стихотворении *«Учай, а не творяй»* он писал: *«Мнози к добротам инех увещают, саммит же онех ни мало творяют. Си подобни суть звонам звонящим в церковь зовущим, самым не входящим»* [10, 266].

Мыслитель, вся жизнь которого прошла на ниве просвещения, считал важным требованием в организации нравственного воспитания неуклонное следование принципу соответствия слов делу. Учитель сам должен делать то, чему учит других, в противном случае он не сможет достичь положительных в воспитании результатов. *«Учитель, не творяй того, чему учит слушателей слова, – писал он, – ни како получит»* [10, 266]. Такие педагогические мысли нашли соответствующее претворение в реальной жизни.

На законодательном уровне, в Уставе Великого княжества Литовского, где описывались требования к опекунам сирот, представлен идеальный образ воспитателя: *«Теж опекун маеть бытиши не вельми зошлых лет, тот, который бы собою добре владнул и дом свой ростропне, опатрне справовал»* [11, 226]. Опекать сирот могли и женщины – «белые головы», но обязательно замужние, которые бы имели мужей добрых, целомудренных и набожных. Соответственно такие качества желательно развивать и у воспитанников методом собственного примера, приучения к труду, бережливости. *«А потым опекун, взявши дети, маеть их в добром, почтливом выхованью и науках мети и в достатку»* [11, 227]. Устав предусматривал, что 9/10 от годовой прибыли с имущества должны использовать *«на выхованье и науку детем»*.

Идея ведущей роли учителя-воспитателя в формировании личности активно развивалась и во времена Просвещения. Реформа образования 1773 г. этот вопрос ставила на одно из первых мест. Реформаторы понимали, что новый учитель должен быть ключевым звеном просветительских преобразований. Поэтому в нормативных документах этому вопросу уделяется первостепенное внимание. Члены Эдукационной комиссии хотели сформировать в государстве новое, самостоятельное сословие учителей, представители которого должны были всю свою жизнь посвятить профессиональному призванию. Учителям категорически запрещалось заниматься другими видами деятельности. Они должны были носить специальный, строгий костюм, жить общинно в школе, питаться за общим столом (за исключением тех, кто имел семью). На всех учителей школы создавалась общая денежная касса – на питание, прислугу, медикаменты и другие потребности. Подобными мерами хотели добиться формирования единства взглядов и действий педагогов, что могло обеспечить успех в обучении и воспитании детей. Существовал даже отдельный учительский суд с закрытым тайным голосованием, на котором за определенные проступки могли подвергнуть домашнему аресту, штрафу, лишить права голоса на совете и т. д.

Предусматривалось, чтобы учительский труд был одним из высокооплачиваемых. Ректор школы получал 1 800 злотых, учитель – 1 200. Кроме этого, учителя могли увеличить свой заработок, проводя занятия с некоторыми учениками по договоренности с родителями за дополнительную плату. После 20 лет работы в школе педагог мог идти на пенсию, которая составляла 2/3 его заработка. Если после двадцатилетней выслуги кто-то оставался работать в школе, то он получал звание заслуженного учителя, и к заработной плате добавлялась 1 000 злотых. За особые успехи в работе учителям сокращался срок выслуги лет для получения пенсии. Учителю также начислялись проценты с доходов имущества Эдукационной комиссии, и иногда они в 5–10 раз превышали его служебный оклад. За это от педагога требовалось, чтобы он все свои силы и заботы направлял на обучение и воспитание школьников. Он должен был постоянно расширять свой

кругозор, отлично знать учебные дисциплины, в совершенстве владеть методикой их преподавания, знать быт и нравы представителей всех слоев населения, заменять ученикам их родителей.

В дополнение ко всему учитель должен был не просто транслировать соответствующее содержание воспитания, изложенное в педагогических книгах, а творчески перерабатывать его согласно реальным условиям жизни. Как верно отмечает А. Я. Цукерман, в то время «идеалом воспитателя считался человек, который владел глубокими знаниями своего предмета, щедро делился ими с учениками и в то же время вносил определенный вклад в развитие этой области науки» [12, 111].

Выводы

В педагогической мысли средневековой Беларуси, несмотря на дидактическую ориентацию педагога, приоритетным в оценке результатов его деятельности было воспитательное, т. е. духовно-нравственное направление. Во все времена основной характеристикой педагога является высокая нравственность, не терпящая ограничений профессиональной сферой и являющаяся неотъемлемым атрибутом реальной жизни, естественного поведения и повседневных поступков личности. Это требование исходит из убеждения в том, что одним из самых действенных методов воспитания подрастающего поколения является положительный пример учителя, особенно в детском возрасте, когда сильна склонность к подражанию. Педагогами-мыслителями акцентируется внимание на воспитательной функции учителя, при этом значительная роль отводится его образовательному уровню, умственному и духовному развитию, аналитическим и творческим способностям. В трудах отечественных педагогов четко выражена мысль о том, что учитель-воспитатель должен относиться к ученикам с уважением и любовью, осознавать ответственность за судьбы вверенных ему детей и быть готовым понести наказание за нарушение своих обязанностей и за плохие поступки учеников. В качестве эффективного способа достижения воспитательных успехов предполагалось единство взглядов и действий педагогов. Такие высокие требования к профессии учителя делали ее авторитетной и достаточно уважаемой в обществе.

Літэратура

1. Галактионов, А. П. История русской философии IX–XIX вв. / А. П. Галактионов, В. Ф. Никандров. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 897 с.
2. Златоустрий. Древняя Русь X–XIX вв. / сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 304 с.
3. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступит. ст. Д. С. Лихачева; сост. и общая ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. – 616 с.
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / сост. С. Д. Бабишин, Б. Н. Митюров. – М. : Педагогика, 1985. – 366 с.
5. Хождение Богородицы по мукам // Златоустрий. Древняя Русь X–XIX вв. / сост. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 304 с.
6. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.
7. Будный, С. Катихисис то ест наука стародавняя христьянская, от светого писма для простых людей языка руского, в пытаниях и отказах събрана / С. Будный, Л. Крышковский, М. Кавечинский. – Несвеж : Тип. М. Кавечинского, 1562. – 520 с.
8. Будный, Б. Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей въ трех частях / Б. Будный. – М., 1788. – 270 с.
9. Дзяржаўны гістарычны музей (Масква). Адзел рукапісаў. Сінадальны збор № 130. – С. 228 адв. – 229.
10. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии // Избранные произведения XVI – начала XIX вв. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 524 с.
11. Статут ВКЛ 1588 : тэксты. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
12. Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии / сост. В. М. Конон, С. А. Подокшин. – Минск : Наука и техника, 1977. – 279 с.

Summary

This article reveals the opinions of the representatives of pedagogical thought in X–XVIII centuries about the role of the teacher in personal moral improving. The priority of pedagogical function of the teacher is shown, the main requests to the teaching profession, which were worked out in native pedagogical theory.

Поступила в редакцию 20.03.09.